

КРОНА И КОРНИ

В гостинной
«Воскресника»

известный актер
и режиссер
Сергей ЮРСКИЙ

Когда Сергей Юрский говорит о Ленинградском Большом драматическом театре, он называет его «мой дом». И это не расхожее иносказание, а искренние слова, за которыми и признание в любви к своему дому, и нескрываемое почтение к его стенам. Да, это действительно его дом, в котором он постигал азбуку актерской игры, становился на ноги, к порогу которого возвращался после затяжных киностемянных странствий. И поэтому первым делом мы спросили вот о чем:

— Сергей Юрьевич, вы, конечно, помните риторический вопрос Белинского, вынесенный в эпиграф нашего «Воскресника», — «Любите ли вы театр?» Задавать вам подобный вопрос было бы наивно, но, возможно, вы ответите нам, за что вы любите театр?

— А вы разве не помните слова того же Белинского: «Возможно ли описать все очарование театра, всю его магическую силу над душой человеческой?». Но давайте не станем прятаться за спину великого классика и попробуем разобраться сами.

Желание быть актером у меня определилось — твердо! — к четырнадцати годам. Но столь же твердо звучало отцовское «нет». Мой отец — актер театра и эстрады — слишком уважал искусство и ремесленником своего сына видеть не хотел, а в таланты мои категорически не верил. И мои попытки опровергнуть его мнение успеха не приносили. В школу-студию МХАТа меня не приняли, и, вняв советам отца, я пошел на юрфак Ленинградского университета. Отец был доволен: адвокат — профессия уважаемая, а некоторый артистизм здесь только на пользу.

В то время гремел университетский драмколлектив, где в «Ревизоре» уверенно начинал свою карьеру студент Игорь Горбачев, ныне народный артист СССР. Прежде чем заметить его в роли Хлестакова, я переиграл немало больших и малых ролей и окончательно укрепился в желании стать актером. После второго курса я перешел в театральный институт — назалось бы, мечта начинает сбываться, но на первом же экзамене мне сказали: «Вы талантливый человек, но вам надо бросать институт. Ваш путь — эстрада. Драматического актера из вас никогда не получится». Представьте всю меру моего отчаяния после этих слов — тогда вам легче будет представить мою огромную радость, когда год спустя я неожиданно для себя был принят в труппу Большого драматического театра имени Горького. Позже я испытал достаточно сладкую чашу кинопопулярности после фильмов «Крепостная актриса», «Республика Шкид», «Золотой теленок», но ничто не сможет затмить радость от первого выхода на сцену.

Впрочем, истоки моей любви к театру нужно искать все же намного раньше. Еще в детстве я испытал первое художественное потрясение, и виной тому был театр. Мне было около десяти лет, и я не все понимал в спектакле: на сцене взрослые решали свои взрослые проблемы. С фронта или из плена возвращается домой одиорукый мужчина, а ему не рады. В его квартире сидит другой мужчина — его враг. И вот одиорукый потерянно ходит по квартире, а потом некстати предлагает жене потанцевать. Она отказывается, и тогда он заводит одной рукой патефон, берет одной рукой стул, прижимает его к себе и неловко танцует, а безжизненные руки болтаются и болтаются вдоль тела...

Я не знаю, хороша ли была та пьеса и спектакль, но я на всю жизнь запомнил этого театрального человека. Когда вспоминаю войну, сразу там — в тумане прошлого — тот одиорукый. Не настоящий — видно, что у актера рука топорщится из-под рубахи — и вместе с тем настоящий. И именно через него я понял всю жестокую драму войны. Впрочем, нет, не так. Не понял, а пережил ТЕАТРАЛЬНО, а значит ярче, сильнее, чем в жизни. Я не хочу сказать, что театр выше жизни, — это будет неправдой. Я хочу сказать, что в театре чаще и острее, чем в жи-

зни, человек способен пережить чужое, как свое. И в этом сила театра, и его очарование, и залог его бессмертия. Одно время были очень популярны рассуждения о том, что театр станет достоянием истории, уступив место телевидению и кино. Наивное заблуждение! Ведь ни кино, ни телевидение не способны подарить зрителю те волнующие мгновения, когда сцена и зал дышат одним чувством, когда актер силой своего таланта заставляет поверить в реальность героя, часто жившего совсем в другое время. Огромное счастье, когда твой герой становится близок и понятен каждому зрителю. Я люблю театр за волнение зала, за диалог между мной и моими зрителями, за наше сотворчество — всегда такое желанное и радостное.

Дебютировал Юрский ровно 20 лет назад. Он пришел в БДТ наизымы любителем — стал виртуозом. Он не погнался за главными ролями — они преследовали его. Все эти двадцать лет он работал на износ, с щедрой и расточительной талантливостью деля время и симпатии между театром, кино, телевидением, эстрадой. Он сыграл Кюхельбекера, Чацкого, Полежаева, Мольера — список ролей занял бы все место, отведенное под интервью. Масштаб сделанного и диапазон его пристрастий так и склоняют к тому, чтобы назвать его судьбу безоблачно удачной. Или все же что-то не состоялось из того, о чем думалось и мечталось Юрскому в ту пору, когда он делал на сцене свои первые шаги?

— Скупые подсчеты сделанного и несделанного противоречат самой природе актера. Я никогда не ставил перед собой конкретные задачи на годы вперед и не испытываю скорби от того, что кое-что из задуманного не осуществилось. Мне повезло в искусстве, я играл с замечательными актерами, был свидетелем и участником рождения будущего флага советского театра.

Мы были молоды, режиссер был молод, энергии и фантазии у каждого было на десятилетия, и никто интересными ролями обойден не был. Мне повезло уже в первой роли, что удаче далеко не каждому вступающему на трудную актерскую стезю. В пьесе Розова «В поисках радости» я сыграл Олега — маленького защитника справедливости, остро реагирующего на всякую фальшь. Он с какой-то неистовой святостью верил, что мир держится на благородстве, и каждый своим поступком отставивал этот взгляд на мир. И тогда он отцовской шашкой — семейной реликвией — крушил громоздкую недвижность, он воевал не только против мешанного быта. Он воевал против недвижности ума, совести, души, против заплевываемого рутинерства. Уже в этой своей первой роли я дышал воздухом высокой драматургии, и от этого у меня надолго сохранилось свободное и глубокое дыхание.

Ну, а если судьба мне так и не подарила встречу с Сирано де Бержераком, о чем я мечтал долгие годы, то и здесь я на нее не в обиде. Я переболел этой ролью, как переболеваю в детстве корью. Прошли годы, и когда собирались ставить фильм и меня утвердили на главную роль, а потом к съемкам так и не приступили, я отнесся к этому спокойно. Видно, романтика Ростана, боль и счастье его героя растворились в моих предыдущих работах, и осталась только легкая печаль

по роли, которая могла быть моей.

А что касается Пушкина, роли, к которой меня вела логика всего сделанного на сцене, то ее мне уже, видимо, тоже не сыграть. Но она сыграна мною частично в Чацком, Кюхельбекере, Мольере, на эстраде, где я читаю лирику Пушкина.

— Вам никогда не хотелось воскликнуть вслед за поэтом: «Проклятие мое, души моей растрата — эстрада...»? В самом деле, не отнимает ли она у актера чего-то сокровенного и глубокого, что должно, видимо, избегать наспех сколоченных эстрадных подмостков?

— А почему, собственно, должно? Эстрада — это не лобное место для таланта, а мастерская, где он шлифуется, ограняется, приобретает закон-

ченность формы. И хорошо выступить на «презренной» эстраде во много раз труднее, чем в самом сложном спектакле. Здесь ты один на один со зрительным залом, и ничей быть не может. В театре тебе «подыгрывают» и партнеры по сцене, и художник-декоратор, и осветители, и оркестр, и наконец, ты всегда чувствуешь направляющую руку постановщика, в то время как на эстраде ты создаешь атмосферу и образы только телом, интонацией, способом общения с залом, мизансценой. То есть здесь ты сам себе и исполнитель, и массовка, и режиссер.

Видно, этим редким сочетанием и привлекает меня эстрада. В последнее время я все больше смотрю на эстраду как на некую творческую, скажем конкретнее, режиссерскую лабораторию, где проходят «обкатку» мои идеи. И многое из того, что было потом вынесено на большую сцену, было найдено как раз на эстраде.

— Вот мы и подошли к главному вопросу. В последние годы Сергей Юрский — активный и популярный киноактер — не утратив, впрочем, популярности, заметно снизил свою активность. Да и перечень театральных ролей растет медленнее, чем хотелось бы почитателям таланта актера Юрского. Зато и на телевидении, и в театре вы упорно тяготеете к режиссуре. И вот уже впервые поставленные вами «Фантазии Фарятьева» молодого драматурга А. Соколовой в репертуаре многих коллективов, а вашу постановку горячо обсуждают театралы... Неужто, обретя режиссуру Юрского, мы тем самым расstaемся с актером Юрским?

— Думаю, нет. Хотя режиссура, надеюсь, прочно вошла в мою жизнь. До сих пор я играл во всех моих спектаклях. Полагаю, так будет и впредь. Наверное, при этом я что-то теряю — и как актер, и как режиссер, но и свои обретения на этом пути тоже есть.

Я не принадлежу к режисерам, так сказать, с молодых ногтей, к художникам, изначально мыслящим концептуально, постановочно. Я пришел в режиссуру как актер, и иду в режиссуру от актера. Здесь, конечно же, велико значение уроков Товстоногова. Георгий Александрович всегда воспитывал в нас ансамблевость, умение видеть на сцене не только себя, но и партнера, уметь играть на партнера, а не «тянуть одеяло на себя». Чувство всей сцены, чувство целого, стремление выразить себя, показав свое видение спектакля в целом, — этим определяется моя страсть к режиссуре. С другой стороны, мои режиссерские искания как-то меняют стиль моей ак-

терской игры. В какую сторону? Есть мнения, что это дорога вглубь, другие считают — это некоторое обесцвечивание.

Как я сам считаю? Скажу так. Перемены в стиле игры, закономерны и объясняются изменениями во взглядах, в темпераменте, наконец. Видимо, я переживаю чуть, может быть, затянувшийся, но неизбежный, необходимый и благотворный для каждого художника период обновления: обновления духовного, обновления профессиональной изобразительной палитры...

— А может, ваше обращение к режиссуре как раз и объясняется желанием обеспечить Юрскому-актеру интересные роли?

— Отчасти мой приход в режиссуру можно объяснить и этим. Иные постановщики, опасаясь, что я не захочу быть сырой глиной в их руках, заранее выводят меня за скобки претендентов: так спокойнее. Печально? Но, как говорит мой друг, прекрасный кино- и театральный драматург Александр Володин: «В любой беде должно скрываться и нечто перспективное. Иначе быть не может — диалектика».

Я не стал — становлюсь режиссером.

Но суть все же, пожалуй, в другом: в тех переменах, которые происходят во мне.

Чего я ищу, к чему стремлюсь?

Однажды на такой вопрос я ответил: ищу цельность в форме и стойкость в содержании. Пожалуй, и то и другое в прошлые годы было мне не слишком свойственно.

Для себя, условно, свои роли я делю на три типа. Поначалу я играл «позтов», натур освободженных, мятущихся, интересных именно своей исключительностью, некими пиковыми проявлениями человеческой сущности. Таким был Олег из спектакля «В поисках радости». Таким был Чацкий, с образа которого благодаря новаторской режиссуре Г. А. Товстоногова и не без моего, конечно, участия удалось убрать «хрестоматийный глянec». Таким был Кюхля, сыгранный на телевидении.

Потом пришел черед стариков. Первую свою «бородастую» роль — Илюку в спектакле по пьесе Нодара Думбадзе «Я, бабушка, Или и Илларион» — сыграл в 26 лет.

И, наконец, роли, как я их для себя определил, стойких людей: Виктор Франк из «Цены» Артура Миллера, Мольер, профессор Полежаев, наконец, Фарятьев. В моем человеческом восприятии их объединяет очень дорогая, близкая мне тема: тема прочности, надежности, уверенности человека, твердого в мыслях, чувствах, на которого можно положиться, тема сопротивления обстоятельствам. «Стыдно быть несчастливый» — так называется рассказ Александра Володина, который я читаю на эстраде.

Как говорится, теория суха, но вечно зеленеет древо жизни. Прежде на вечнозеленом древе жизни — древе искусства театра — меня привлекала, интересовала сама молодая зеленая листва. Теперь пытаюсь, не знаю, насколько удачно, спуститься к корням, обнажить корни этого древа познания добра и зла...

Чувствую, что заговорил излишне метафорично-метафизично, что в целом мне не свойственно. Так вот. Меняются мои чисто человеческие интересы, меняются и художественные приемы, в которых я стараюсь реализовать мое понимание человека и мира. Эксцентрика, гротеск, яркая характеристика — закономерно уступают место более глубокому и точному психологическому рисунку роли, стремлению в большей степени понять самому и объяснить зрителю характер, судьбу моего персонажа.

В ближайших моих планах (правда, не знаю, насколько быстро осуществятся эти ближайшие планы) еще один дебют — в качестве кинорежиссера. Сейчас рассматривается моя заявка на постановку художественного фильма по повести ленинградской писательницы Зои Журавлевой «Островитяне».

Мне кажется, что его сюжет — рассказ о небольшом коллективе людей, живущих, работающих на затерянном в океане острове, — позволит говорить серьезно и остро о каких-то глубинных основах человеческого бытия, человеческой личности. Люди ловят рыбу да еще наблюдают за умными приборами, чтобы уследить, когда зародится в пучинах океана цунами, чтобы успеть предупредить о том Берег, Землю. А их предшественников на острове цунами смыл, стер с земли... Здесь все и все на виду — люди, их отношения друг к другу, к детям, боязнь смерти и любовь к жизни — все в каком-то очищенном — до первичности, а не дистиллированности! — виде...

Актеру, режиссеру, человеку Юрскому было бы очень интересно сделать такой фильм. Хотя бы ради того, чтобы лучше понять своего зрителя, своего современника, своего сотоварища в этом прекрасном и таком не простом мире.

Вели беседу
М. МЕРСОН
и Л. ПАВЛЮЧИК.

